

ЗАПИСИ О СМЕРТИ РУССКИХ КНЯЗЕЙ В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ХРОНИКЕ (ХРОНИКЕ РОМАНОВИЧЕЙ)

Автора интересует проблема статистических данных и механизмов фиксации информации о кончинах Рюриковичей в Галицко-Волынской хронике (Хронике Романовичей). Приходится констатировать наличие в источнике пяти разновидностей записей о смерти Рюриковичей. Создается впечатление, что основным фактором, повлиявшим на форму и характер сообщения о смерти князя, была жанровая принадлежность той части Галицко-Волынской хроники, в которой оно было зафиксировано. Количество и специфика упоминаний некрологического характера зависели также от интересов, летописной техники и культурной принадлежности авторов той или иной части источника или их княжеских покровителей.

Ключевые слова: Галицко-Волынская хроника (Хроника Романовичей), Рюриковичи, кончина князя, некролог

С неким удивлением приходится констатировать практически полное отсутствие внимания исследователей к предложенной теме. Следует отметить в целом достаточно скудное количество работ, посвященных упоминаниям древнерусских письменных источников о кончинах князей¹. Тем временем данная проблема заслуживает исследования по нескольким причинам. С ее помощью мы можем проследить способы коммеморации, узнать о тех видах информации, которую древнерусским летописцам надлежало фиксировать, о способе конструирования таких записей и проч.

Здесь нас интересует не столько проблема мемории как таковой (которая, разумеется, сама по себе весьма интересна и тесно связана с некрологическими записями)², сколько чисто статистические данные и механизмы фиксации информации о кончинах Рюриковичей в Галицко-Волынской хронике (Хронике Романовичей)³. Заставляет задуматься также наличие возможной связи между жанровой принадлежностью источников или их отдельных частей и наличием информации о кончинах князей.

Галицко-Волынская хроника содержит в общей сложности 23 записи о смерти Рюриковичей. Среди них лишь 7 можно отнести к стандартным (более или менее обширным) некрологам, в состав которых входят, как правило, следующие данные: датировочная формула, идентификационная заметка с титулом умершего, похвала в его честь, информация о месте захоронения⁴. Эти сведения относятся соответственно, в хронологической очередности записей, к Даниилу Романовичу⁵, Елене — жене Василька Романовича⁶, Васильку Романовичу⁷, Михаилу — сыну Юрия Львовича⁸, Владимиру Ивану Васильковичу⁹, Юрию Владимировичу пинскому¹⁰, а также Ивану Глебовичу степанскому¹¹. При этом в одних случаях приведенный канон информации дополняется более обширной генеалогической сводкой или плачем по умершему, тогда как в других может отсутствовать один из элементов (в некрологе Елены отсутствует похвала).

В разновидность квазинекролога превратилось упоминание о кончине Шварно Даниловича. Здесь можно проследить, как автор в соответствующей части источника намеренно сообщает о смерти князя, ограничившись, однако, указанием лишь голых фактов. По сути дела, данное сообщение никоим образом не выделено; оно стало органичной частью повествования о конкретных политических событиях («Кнажащю ж[e] по Воишелдѣ || Шварнови в литов[ь]ской земли. Кнажив[ь] же немного лѣт[ь] | и тако престависа»), несмотря на наличие в нем типичного для некрологов элемента — указания места захоронения умершего правителя¹².

Своеобразную, стоящую особняком категорию упоминаний о кончинах древнерусских правителей представляет собой сводное сообщение об умерших во младенчестве детях Даниила Романовича и Анны Мстиславовны¹³. С ним мы сталкиваемся в абзаце, который, на наш взгляд, можно считать посмертной апологией княжны-матери — Анны

¹ См., например: [Жданова, Селезнев; Жданова; Коняевская]. В указанных трудах приводится список опубликованных работ на данную тему.

² О мемории на Руси см.: [Steindorff].

³ Данный источник цитируется по его последнему изданию: Kronika halicko-wolyńska (Kronika Romanowiczów) / Wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wilkuł (далее — КНВ (КР)). Kraków – Warszawa, 2017. (Monumenta Poloniae Historica nova series. T. XVI). Ср. с указанным изданием: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись.

⁴ Стоит заметить, что Т. В. Жданова представила недавно трехчленную классификацию летописных некрологов. В первую группу вошли, согласно автору, мини-некрологи, во вторую — миди-некрологи и, наконец, в третью — макси-некрологи. Автор отмечает также наличие некрологических форм в житийных текстах. Они отличаются содержанием приводимой информации [Жданова, с. 99–100].

⁵ КНВ (КР). S. 450–451; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 862.

⁶ КНВ (КР). S. 453–454; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 863.

⁷ КНВ (КР). S. 470; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 869.

⁸ КНВ (КР). S. 537–539; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 895.

⁹ КНВ (КР). S. 598–604; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 918–919.

¹⁰ КНВ (КР). S. 626–627; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 938.

¹¹ КНВ (КР). S. 627; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 938.

¹² КНВ (КР). S. 468; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 868–869.

¹³ КНВ (КР). S. 58; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 732.

[Домбровский, 2016]. При этом стоит подчеркнуть, что летописец не посчитал уместным упомянуть о самом факте смерти княжны.

В целом, в определенной степени аналогичной можно считать некрологическую конструкцию, использованную в Похвале Роману Мстиславичу. Здесь также опущен сам факт смерти князя, хотя эта запись начинается с гораздо более однозначной констатации: «По см[ь]рти же великого князя Романа». Затем мы видим апологию правителя, из которой выводится рассказ о деяниях его сыновей и овдовевшей жены¹⁴.

Апологией агиографического характера является также крупный текст, посвященный Владимиру Ивану Васильковичу, который на сей раз, в отличие от предыдущих примеров, сопутствует «стандартному» некрологу князя¹⁵.

Следующей моделью некрологической записи, появившейся в Галицко-Волынской хронике, является упоминание о смерти Михаила Всеволодовича и его боярина Федора. Оно носит явно мученическо-агиографический характер. Здесь мы не находим элементов, типичных для княжеского некролога, но при этом подчеркиваются героизм защищавшего обычаи предков князя, а также его мученическая смерть¹⁶.

Остальные 12 сообщений о княжеских кончинах составляют еще одну разновидность некрологических упоминаний, зарегистрированных в Хронике Романовичей. Их можно определить как тесно вплетенные в повествование источника, приведенные для пояснения последствий, к которым они привели, или просто ставшие опорными элементами отдельных рассказов (подчеркивавшими, например, трагичность ситуации). К первым из вышеуказанных подкатегорий можно отнести сообщения о смерти сына Мстислава Немого — Ивана¹⁷, а также Мстислава Мстиславича Удалого¹⁸. В первом случае данный факт пояснял и оправдывал (в сочетании с сопутствующим ему сообщением о передаче Мстиславом сына на попечение Даниилу) беззаконное, но результативное вступление Романовичей в борьбу за восточную Волынь. Во втором случае летописец руководствовался желанием продемонстрировать взаимоотношения между умершим князем и его «сыном» Даниилом, красноречиво подчеркнув две сюжетные линии: намерение Мстислава передать детей на попечение Даниилу и козни бояр, воспрепятствовавших этому. Таким образом, четко просматривается политическая программа перевозимого летописцем старшего Романовича.

Здесь следует упомянуть еще об одном, вплетенном в одну из частей апологии Романа Мстиславича рассказе, по всей видимости, половецкого происхождения, а именно — о смерти Владимира Мономаха, ставшей отправной точкой для дальнейшего описания ее последствий¹⁹.

Своего рода самостоятельную субкатегорию представляет собой сообщение об убийстве N, внуки Михаила Всеволодовича, немцами-мещанами из Сьроды-Слѣнской во время ограбления обоза русского правителя²⁰. Возможно, сообщение о гибели малолетней княжны появилось в связи с необычными обстоятельствами этого события, а также близкими взаимоотношениями, связывавшими Романовичей с Михаилом, женатым на сестре Даниила и Василька. Можно предположить, что свою роль здесь сыграло также непосредственное и сравнительно быстрое извещение об этом трагическом событии галицко-волынского двора, например, возвращавшимся из польских земель на Русь Михаилом Всеволодовичем²¹.

К некрологической информации, подчеркивающей трагичность ситуации, можно, в свою очередь, отнести сведения об убийстве монголами Юрия пронского и его жены²², Юрия Всеволодовича²³, Всеволода Юрьевича²⁴, жены Юрия Всеволодовича и неперечисленных княжеских детей²⁵, а также Василия козельского²⁶. Все они приведены в Повести о нашествии Батюга на Русь. Кроме этого текста, а конкретно в рассказе о путешествии Даниила Романовича в Орду, имеются упоминания об отравлении монголами Ярослава Всеволодовича²⁷ и убийствах многочисленных русских князей²⁸. По существу, их можно считать фрагментом плача по судьбе Руси после нашествия Батюга.

Обратим внимание и на другие явления, связанные с интересующей нас темой. Небезынтересен тот факт, что в источнике не зарегистрированы сообщения о смерти многочисленных представителей Рюриковичей, появления которых теоретически можно было бы здесь ожидать. Речь идет о членах рода Романовичей, умерших в период,

¹⁴ КНВ (КР). S. 1–6; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 715–717.

¹⁵ О характере текста, посвященного Владимиру, см.: [Толочко].

¹⁶ КНВ (КР). S. 258–259; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795. Информация о смерти Михаила и его боярина повторяется, снова с акцентированием мотива мученической смерти: КНВ (КР). S. 294; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

¹⁷ КНВ (КР). S. 119; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750.

¹⁸ КНВ (КР). S. 125; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 752.

¹⁹ КНВ (КР). S. 4; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716.

²⁰ КНВ (КР). S. 226; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784.

²¹ Михаил появился в государстве Романовичей в окрестностях Владимира, вскоре после возвращения Даниила и Василька. Не исключено, что известие о неожиданной гибели внуки Михаила дошло до Романовичей немногим ранее, когда они, как и их шурины, находились в Мазовии (КНВ (КР). С. 237–240; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788–789).

²² КНВ (КР). S. 209; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.

²³ КНВ (КР). S. 212; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

²⁴ КНВ (КР). S. 214; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

²⁵ КНВ (КР). S. 215; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

²⁶ КНВ (КР). S. 218; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 781.

²⁷ КНВ (КР). S. 294; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

²⁸ КНВ (КР). S. 294; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

вошедший в записи Хроники, а также об их отдельных ближайших родственниках или князьях, с которыми галицко-волинский правящий род поддерживал особенно близкие взаимоотношения. Здесь я имею в виду Гераклия и Романа Даниловичей, а также Даниила — сына Мстислава (II) Даниловича, скончавшегося, по всей вероятности, до 1288 г.²⁹ Кроме того, на наш взгляд, следовало бы ожидать, например, сообщения о кончинах Александра Всеволодовича, Ингвара Ярославовича или Владимира Рюриковича. Удивительно, но лишь вскользь и совершенно анахронически в источнике упоминается смерть Мстислава Ярославовича Немого³⁰.

Как видим, данное наблюдение относится к той части источника, возникновение которой связано с окружением Даниила Романовича, поскольку, как известно, в ее продолжении, связанном с Васильком Романовичем, Владимиром Васильковичем и Мстиславом (II) Даниловичем, приводятся некрологи даже тех князей, которые не входили в тесный семейный круг, или совсем дальних родственников (Михаила Юрьевича, Юрия Владимировича и Ивана Глебовича). Представляется, причиной такого изменения не были индивидуальные взгляды летописцев. По всей видимости, кончины Рюриковичей не вписывались в канон той информации, которую надлежало регистрировать в «деяниях» Даниила, выстроенных в определенной повествовательной последовательности и предназначенных для глорификации конкретного правителя, однако авторам придворной летописи очередных Романовичей, по разным причинам, они были интересны. Чисто гипотетически можно было бы попытаться установить причины такого интереса. На наш взгляд, некролог Михаила Юрьевича появился в той части источника, которая создавалась в окружении Владимира Васильковича как отражение скорби бездетного князя, вызванной известием о смерти малолетнего первенца хотя и нелюбимого, но близкого родственника (сына двоюродного брата по линии отца). В свою очередь, некрологи Юрия Владимировича и Ивана Глебовича являются доказательством близких, хотя и сложно сказать, каких именно, личных взаимоотношений между ним и Мстиславом (II) Даниловичем.

Следующим интересным явлением, о котором стоит упомянуть, — заметное игнорирование кончин принадлежавших династии женщин³¹. Лишь одна из них — по всей вероятности, первая или вторая жена Василька Романовича — удостоилась, как нам известно, некрологической записи. Между тем в период, охваченный повествованием Галицко-Волинской хроники, скончались также: 1) княжна Романова — мать Даниила и Василька; 2) Анна Мстиславовна — первая жена Даниила Романовича; 3) вторая, литовская жена данного правителя; 4) Юрьевна — первая жена Василька Романовича; 5) Дубравка Конрадовна — вторая жена Василька (если это не была Елена); 6) Федора Романовна; 7) Романовна — жена Мстислава Всеволодовича; 8) София (?) Даниловна; 9) литовская жена Шварно Даниловича (вероятно); 10) Глебовна — последняя жена Романа Даниловича³².

В источнике упоминаются, хотя и не в виде традиционного некролога, кончины еще трех женщин, не принадлежавших к роду Романовичей. Следует указать, в первую очередь, N — жену князя пронского Юрия, а также жену Юрия Всеволодовича. Информация о смерти обеих — что, на наш взгляд, играет здесь немаловажную роль — читается в Повести о нашествии Батюга на Русь. Третьей Рюриковной является, как нам известно, N — внучка Михаила Всеволодовича. Так или иначе, единичное упоминание смерти княжон отражает в целом ярко выраженный в древнерусском летописании подход к женщинам. Они редко встречались на страницах летописей, поскольку играли гораздо менее важную политическую роль, чем мужчины. Тем временем именно широко понимаемая политическая активность в первую очередь привлекала летописцев в качестве материала, достойного увековечения.

Собственно, по той же причине также крайне редко появляется информация о кончинах несовершеннолетних детей. В Хронике мы имеем дело с тремя такими ситуациями, причем в двух первых княжеское потомство упоминается анонимно и коллективно. На этом фоне выделяется посвящение отдельного некролога Михаилу Юрьевичу, причину которого мы уже пытались истолковать выше.

Подытожим сказанное.

Прежде всего, приходится констатировать наличие пяти разновидностей записей о смерти Рюриковичей, среди которых следует выделить:

- a) традиционные некрологи, вошедшие в повествование источника;
- b) квазинекрологи, то есть записи о смерти, обладающие особенностями традиционного некролога, но, с другой стороны, вплетенные в повествование о политических событиях;
- c) сообщения о смерти князей, вплетенные в повествование с целью представления контекста событий, а также сообщения о кончинах, находящиеся в рассказах, в основном, военного характера (иллюстрировавшие трагические последствия военных действий);
- d) некрологические элементы княжеской апологии;
- e) записи о кончине в качестве элемента рассказа о мученической смерти.

Какие можно выделить факторы, определяющие характер некрологических записей, присутствующих в Галицко-Волинской хронике?

Создается впечатление, что главным фактором, повлиявшим на форму и характер сообщения о смерти князя,

²⁹ Отсутствие такой информации вызывает глубокое удивление, особенно с учетом наличия в той же части источника некролога Михаила Юрьевича — на одну степень более дальнего родственника Владимира Васильковича, чем Даниил Мстиславович.

³⁰ КНУ (KR). S. 100; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744.

³¹ Здесь я имею в виду как дочерей Романовичей, умиравших, как правило, за пределами своего государства, так и жен Романовичей.

³² Биографические данные о женщинах приводятся на основании: [Домбровский, 2015, с. 272–273, 303–304, 306–307, 325, 329–330, 379, 393, 591].

была жанровая принадлежность той части Галицко-Волынской хроники, в которой оно было зафиксировано. Как известно, данный источник в этом смысле крайне неоднороден, хотя его как единое целое можно считать придворной хроникой³³. Тем не менее первая часть источника в основных своих частях близка деяниям (Даниила Романовича), но при этом включает в себя (что уже давно отмечалось) ряд более или менее самостоятельных рассказов, прежде всего на военные темы (Повесть о битве на Калке, Повесть о нашествии Батгя на Русь и др.).

Видимо, количество и особенности упоминаний некрологического характера зависели от интересов, летописной техники и культурной принадлежности авторов той или иной части источника или их княжеских покровителей. Следует обратить внимание и на заметные отличия некрологического характера записей той части Хроники, которая возникла в кругу Даниила Романовича, — где подчиненность рассказу о судьбах главного героя (с определенными прагматическими и идейными отклонениями) исключает возможность уведомления о смерти других правителей. Значительное отступление здесь представляет собой лишь вошедшая в эту часть источника Повесть о нашествии Батгя на Русь. Между тем (что весьма любопытно) в части Галицко-Волынской хроники, возникновение которой связывается с окружением Василька Романовича, Владимира Васильковича и Мстислава (II) Даниловича³⁴, ситуация выглядит иначе. Именно здесь мы находим все семь традиционных некрологов и один квазинекролог. Такое скопление некрологических записей в этой части источника не может быть делом случая. По всей вероятности, в повествовательную формулу автора/авторов Свода Даниила не укладывалось такое увековечение княжеских кончин, однако для летописца/летописцев, ответственного/ответственных за создание очередной части Хроники, оно было важным.

Литература

- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ерусалимского и О. Остапчук. СПб., 2015. (STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS. Вып. 10).
- Домбровский Д. Галицко-Волынская летопись как источник генеалогических исследований — историографический и источниковедческий аспекты (на примере абзаца о браке Даниила Романовича с Анной Мстиславовной) // Komendová J. a kolektív. Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. С. 11–22.
- Жданова Т. В. Видимый и невидимый миры русских князей (восприятие власти древнерусским обществом через призму погребальной практики) IX–XV вв. СПб., 2017.
- Жданова Т. В., Селезнев Ю. В. Особенности и характер сообщений о смерти иноземных правителей на страницах русских летописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 75–88.
- Конявская Е. А. Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 85–92.
- Толочко А. П. Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков) // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 1999. Vol. VII. P. 26–38.
- Steindorff L. Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. 38).

Dariusz Dąmbrowski

Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland

RECORDS ABOUT THE DEATHS OF RUSSIAN PRINCES IN THE GALICIAN-VOLHYNIAN CHRONICLE (CHRONICLE OF ROMANOVICHI)

The author is interested in the problem of statistical data and mechanisms for fixing information about the end of life of Rurikovich in the *Galician-Volhynian Chronicle* (*Chronicle of Romanovichi*). It is necessary to ascertain the presence in the source of five types of records about the death of Rurikovich. It seems that the main factor that influenced the form and nature of the message about the death of the prince was the genre affiliation of the part of the *Galician-Volhynian Chronicle* in which it was recorded. The number and nature of mentions of a necrological nature also depended on the interests, the chronicle technique and the cultural affiliation of the authors of one or another part of the source or their princely patrons.

Keywords: Galician-Volhynian Chronicle (*Chronicle of Romanovichi*), Rurikovich, death of prince, necrology

³³ KHW (KR). S. XLVII–LI (там же см. список опубликованных работ на данную тему).

³⁴ Ibid. S. LXII–LXIX, LXXIV–LXXXVI (там же см. список опубликованных работ на данную тему).

